

Скажи мне, что ты ешь, и я скажу тебе, кто ты

Жан Антельм
БРИЙЯ-САВАРЕН

ФИЗИОЛОГИЯ
ВКУСА

Издательство КоЛибри

Жан Антельм Брийя-Саварен

Физиология вкуса

«Азбука-Аттикус»

1820

УДК 641
ББК 36.99

Брийя-Саварен Ж.

Физиология вкуса / Ж. Брийя-Саварен — «Азбука-Аттикус»,
1820

ISBN 978-5-389-20434-8

Одна из самых знаменитых книг мировой литературы, посвященных еде, «Физиология вкуса, или Трансцендентная кулинария» Брийя-Саварена состоит из размышлений о гастрономии, об удовольствии, доставляемом едой, об ожорстве и диете, о пищеварении и общительности сытого человека, из кулинарных рецептов и житейских анекдотов. Этот трактат обожали Бальзак и Александр Дюма-отец, Россини и Пруст. Он и по сей день вдохновляет знаменитых поваров современности. Но кто его автор? Кем он был, этот Брийя-Саварен? Пожалуй, самое простое определение — «человек-оркестр». Брийя-Саварен и правда играл не последнюю скрипку во времена Великой французской революции и в эпоху Наполеона Бонапарта: философ, юрист, судья, экономист, политический деятель, депутат, музыкант, мыслитель, но самое главное — прославленный гурман, в честь которого названы улицы во многих городах Франции — в Париже, Орлеане, Дижоне, Каркассоне, Ниме, а также вкуснейший сыр с белой корочкой. В конце концов, именно Брийя-Саварен провозгласил: «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу тебе, кто ты» — и объявил хорошую кухню одной из основных духовных скреп общества. До сих пор российским читателям был доступен лишь сокращенный вариант книги, созданный Карлом Фогтом и переведенный с немецкого на русский в 1867 году. Тем отраднее представить первый полный перевод трактата Брийя-Саварена, сделанный с французского оригинала. Издание содержит множество иллюстраций. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 641
ББК 36.99

ISBN 978-5-389-20434-8

© Брийя-Саварен Ж., 1820

© Азбука-Аттикус, 1820

Содержание

Предисловие Альфонса Карра	8
Афоризмы Профессора[3], служащие предисловием к его произведению и незыблемым основанием науки	12
Диалог между автором и его другом	15
Биографии	19
Предисловие	23
Часть первая	27
Размышление I	27
Количество чувств	27
Приведение чувств в действие	28
Усовершенствование чувств	29
Сила вкуса	32
Цель действия чувств	32
Размышление II	34
Определение вкуса	34
Механика вкуса	35
Восприятие вкуса	37
О разнообразии вкусов	38
Влияние обоняния на вкус	38
Анализ вкусового ощущения	41
Порядок различных вкусовых впечатлений	42
Наслаждение, доставляемое вкусом	42
Превосходство человека	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Жан Антельм Брийя-Саварен

Физиология вкуса

Посвящается парижским гастрономам

Шарль-Мишель Жофруа. Жан Антельм Брийя-Саварен. Литография. 1848

* * *

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021 Издательство Колибри®

Предисловие Альфонса Карра

Люди остерегаются морали: слишком много места отводится ей в книгах и проповедях; мораль возносит добродетель на такую недосягаемую высоту, что многие, не сумев туда подняться, легко утешаются, говоря о ней то же самое, что древний философ сказал о пороке: *Non licet omnibus adire Corinthum*¹. И потому большинство удовлетворяется не более чем имитацией этой недоступной добродетели, а излишне суровая мораль чаще всего порождает лицемеров.

Если бы какой-нибудь человек вздумал продавать шлемы, доспехи и мечи размерами под стать героям Гомера, то его шлемы пришлось бы в пору разве что тыкве, латы напоминали бы собою небольшие комнаты, в которых вряд ли можно было бы дотянуться до потолка, а мечи было бы невозможно поднять. И он наверняка продал бы очень мало такого оружия, будь оно сработано хоть самим Вулканом по эскизам самой Минервы.

Булочник продаст вам хлеб за несколько медяков, имеющих хождение, но откажет, если вы посулите ему золотые медали с изображением императора Тита. Так что стоит поручать людям только ту работу, которая им по силам, и так же обстоит дело с настоящей моралью: она должна принимать в расчет наши увлечения и слабости – ей надлежит подрезать их, как древесные ветви, направлять в нужную сторону, но искоренить их возможно, лишь уничтожив само дерево.

---

¹ «Не всем удастся попасть в Коринф» (Гораций. Послания. Кн. I, 17, стих 36). Это перевод на латынь древнегреческой поговорки, которую прилагали к людям, чьи планы превосходили их возможности либо же чьи таланты или богатство не соответствовало их претензиям. – *Здесь и далее под звездочкой примеч. перев.*

Раз уж существуют ручьи, не стоит засыпать сточные канавы.

Мне, разумеется, известно, что к собственным страстям мы относимся снисходительно, но не распространяем это снисхождение на чужие; я всегда отзывался о гурманстве пренебрежительно, пока не прочел «Физиологию вкуса» Брийя-Саварена; раньше я видел в гурманстве лишь самое грубое, самое эгоистичное, самое глупое из пристрастий; чтение Брийя-Саварена заставило меня устыдиться, что я не гурман.

В самом деле, когда обнаруживаешь у завязтого гурмана столько остроумия и проникаемости, столько философичности и веселости, то начинаешь сожалеть, что не наделен от природы необходимыми способностями, чтобы прочувствовать и оценить гастрономические удовольствия, сознаешь в себе некое увечье, отсутствие довольно важного чувства, оказываешься в одном ряду если не с глухими и слепыми, то по меньшей мере с глуховатыми и подслеповатыми и начинаешь смотреть на свое бывшее бахвальство, что ты, мол, не гурман, как на глупое тщеславие человека в золотых очках, который надменно меряет взглядом тех, кто очков не носит.

Разве у каждого из нас нет своих любимых блюд? Разве я не гурман в том, что касается красок и запахов? Разве не пьянит меня аромат жимолости, не восторгает зрелище великолепного заката и разве музыка не лишает меня всей холодности моего рассудка? Разве из-за этих упоительных впечатлений мне – подобно тем пьяницам, что находят улицы слишком узкими, – не случается порой находить слишком узкими и жизненные пути, тропинки возможного, дороги реальности?

Я прекрасно знаю, что страсть к гурманству порой перехлестывала через край, – но какая страсть избавлена от излишеств? Конечно, император, который откармливал мурен в своих рыбных садках изрубленной на куски плотью рабов, всегда будет считаться преступившим допустимые пределы застольных удовольствий, но это никоим образом не относится к былым римским гурманам – знатокам, которые по вкусу отличали рыбу, выловленную в устье Тибра, от той, что была поймана между двумя мостами, и первую не ели. Те, что отвергали печень гуся, откормленного сушеными фигами, и признавали ее, только если фиги для откорма были свежими, не несли в себе ничего опасного либо отталкивающего; их изощренный вкус похож на ухо Абенека², который, дирижируя оркестром из двухсот инструментов, делает замечание контрабасисту, прижавшему струну указательным пальцем, а не большим.

Отнюдь не желая искать в том, что доставляет удовольствие другим людям, более или менее справедливые аналогии, я задаюсь вопросом, разве не живы в нас воспоминания обо всех наших гастрономических радостях? Могу ли я хладнокровно вспоминать бараньи ножки в собственном соку с чесноком и фасолью, коими на протяжении многих лет я лакомился раз в неделю в компании с воображаемым другом, которого сам себе придумал? Могу ли я без волнения вспоминать превосходные обеды, состоявшие из одной лишь сырой репы, которую я съедал прямо в поле, а потом вечером платил цену гораздо более роскошного обеда за билет, позволявший мне войти в театр, где я издали встречался взглядом с той, что так долго составляла мою силу и саму мою жизнь?

И кто придаст ананасам, поданным на тарелках китайского фарфора, вкус ежевичных ягод, сорванных с живых изгородей в ту пору, когда мне было восемнадцать лет?

Разве наших бедных рыбаков с нормандского побережья не радует заранее возможность полакомиться омаром или креветками, сваренными в морской воде, если им удастся ускользнуть от таможенного досмотра, ведь фискальное ведомство запрещает им брать воду из моря, так что океан стережет целая армия людей в зеленом и они заставят вылить обратно в море даже кувшин воды, зачерпнутый в обход закона, но которая избавила бы бедняков от необходимости покупать соль, а стало быть, и платить за нее налог.

---

² *Абенек Франсуа-Антуан* (1781–1849) – французский скрипач, дирижер и композитор.

Очарование книги состоит в том, что веришь, будто, читая ее, по-настоящему беседуешь с человеком. Книга Брийя-Саварена соединяет в себе необычайную искренность, дивную непринужденность, неослабевающее вдохновение, утонченность и изящество речи. Это образец простого и лишенного малейшей вульгарности стиля.

Гурманство отнюдь не обжорство.

Брийя-Саварен приправляет славный обед остроумием, добродушием и хорошим вкусом.

Остроумие, которое является (или, скорее, должно являться) не чем иным, как «отточенным и разящим без промаха здравым смыслом», мало ценится во Франции, ведь у нас за остроумие принимают некие словесные упражнения, напоминающие те, что проделывают с шарами жонглеры.

Точно так же обжоры и пьяницы незаконно объявляют себя последователями Анакреонта, Эпикура и, не спросившись у них, отдаются под их покровительство. А между тем Анакреонт в своих стихах советовал почаще разбавлять вино водой, а Эпикур, желавший добавить в наслаждение благоденствия, делал его составной частью добродетели.

Подлинный последователь Эпикура считает наилучшим блюдом своего обеда хлеб, посланный бедному соседу. А другой, приглашая вас к обеду, скажет вам вместе с немцами: «Будет одно блюдо и дружеское лицо в придачу».

Брийя-Саварен сказал: «Те, кто объедается или напивается, не умеют ни пить, ни есть».

Я не знаю, что он сказал бы о политических банкетах, которые в его время только-только стали входить в моду, – об этих пиршествах, где каждый угощается одним блюдом на свой собственный лад при помощи пустых, а потому звонких фраз и где за управление страной берутся лишь в конце трапезы, то есть в таком состоянии тела и ума, в каком ни один из этих подвыпивших законодателей не позволил бы себе решать даже самое пустячное из своих частных дел.

Конечно, посеять среди людей свою живую мысль – значит не умереть. После смерти того, кто ее высказал, она только набирает силу и уже не оспаривается, ибо перестает возбуждать к нему ревность.

Пока богатые и могущественные заняты тем, что оспаривают друг у друга материальные почести и очевидные преимущества, не становятся ли подлинными владыками мира только те, кто посредством своих книг управляет бытующими у народов идеями и самой человеческой мыслью?

В сонме этих прославленных мертвецов, ставших бессмертными властителями дум, память выделяет присущие им отличия, в частности силу их мысли – вот она-то и определяет степень нашего почитания; однако есть и такие, о чьей жизни хочется знать, о ком усердно ищут и жадно собирают мельчайшие подробности. Что касается остальных, то мы удовлетворяемся чтением их сочинений и восхищаемся ими, тогда как первые становятся нашими друзьями. В качестве типичных примеров обеих этих разновидностей можно привести Вольтера и Ж.-Ж. Руссо. Почитатели любят те же цветы, которые любил Руссо, и воспоминания о нем придают особый колорит пейзажам тех мест, где он обитал. Вольтер же весь целиком умещается в своих книгах, и ни в каком ином месте его не ищут.

Г-н Брийя-Саварен был наделен обаятельным умом – но не думаю, что кто-то в самом деле захочет узнать, каков был цвет его волос. И вряд ли кто-нибудь задастся вопросом, был ли он влюбчив. Так будем же и мы сдержанны в отношении биографических подробностей. Антельм Брийя-Саварен родился в городе Белле, у подножия Альп, 1 апреля 1755 года, где и подвизался в качестве адвоката, когда в 1789 году его выбрали депутатом Учредительного собрания.

В 1793 году, будучи мэром Белле, он оказался вынужден бежать в Швейцарию, спасаясь от революционного вихря.

Став изгнанником, он четыре года провел на чужбине, сначала в Швейцарии, потом в Соединенных Штатах, где преподавал французский язык и был музыкантом в театральном оркестре Нью-Йорка; но если материальную сторону жизни ему удалось обеспечить благодаря собственным талантам, то безмятежностью и счастьем он был всецело обязан своему добродушию и незлобивой философии.

Вернувшись во Францию в сентябре 1796 года, он выполнял различные обязанности – до тех пор, пока павший на него выбор сената не призвал его в кассационный суд, где он провел двадцать пять последних лет своей до самого конца тихой и спокойной жизни, пользуясь всеобщим уважением.

Он простудился, когда в составе депутации представлял кассационный суд на траурной церемонии 21 января в церкви Сен-Дени; простуда переросла в плевропневмонию, которая и унесла его в одно время с Робером де Сен-Венсаном и главным адвокатом Маршаньи. Умер он 2 февраля 1826 года, когда ему был 71 год.

Альфонс Карр

Афоризмы Профессора³, служащие предисловием к его произведению и незыблемым основанием науки

I

Вселенная без жизни – ничто, а все, что живет, – питается.

II

Животные кормятся; человек ест; но только умный человек умеет есть.

III

Судьба народов зависит от того, как они питаются.

IV

Скажи мне, что ты ешь, и я скажу тебе, что ты такое.

V

Создатель, обязав человека есть ради сохранения жизни, приглашает его к трапезе посредством аппетита и вознаграждает удовольствием.

VI

Гурманство – приведение в действие нашей оценки, с ее помощью мы выбираем то, что приятно на вкус, и отвергаем то, что лишено этого достоинства.

VII

Удовольствие от еды доступно человеку любого возраста и любого общественного положения, в какой бы стране и в какую бы эпоху он ни жил; оно может стоять в ряду со всеми прочими удовольствиями и останется последним из того, что способно утешить нас в случае их утраты.

VIII

Стол – единственное место, где никогда не скучаешь в течение первого часа.

---

³ То есть самого Брийя-Саварена. Первое издание «Физиологии вкуса» вышло уже после его смерти, анонимно, а на обложке вместо имени автора значилось, что этот труд посвятил парижским гастрономам некий «профессор, член нескольких литературных и ученых обществ». И далее в тексте он неоднократно именуется либо «профессором гастрономии», «профессором-гастрономом», либо просто «профессором». Чтобы не путать его с прочими профессорами, которые тоже встречаются на страницах этой книги, мы удостоим его заглавной буквой: Профессор.

IX

Изобретение нового блюда приносит роду человеческому больше счастья, чем обнаружение новой звезды.

X

Те, кто обедаются и упиваются, не умеют ни есть, ни пить.

XI

Порядок подачи блюд – от сытных к легким.

XII

Порядок подачи напитков – от умеренных к крепким и ароматным.

XIII

Утверждение, что за трапезой не следует менять вино, – ересь; вкус притупляется, и после третьего бокала ощущение будет бледным даже от наилучшего вина.

XIV

Десерт без сыра – все равно что одноглазая красотка.

XV

Поварами становятся, но тем, кто мастерски готовит жаркое, надобно родиться.

XVI

Самое необходимое качество повара – пунктуальность; она же требуется и от гостя.

XVII

Слишком долго ждать опаздывающего гостя – значит проявлять неуважение к присутствующим.

XVIII

Тот, кто, принимая друзей, лично не заботится о трапезе, которую для них готовят, недостойн их иметь.

XIX

Хозяйка дома всегда должна лично удостовериться, что кофе превосходен; а хозяин – что спиртные напитки самого высокого качества.

XX

Пригласить кого-либо – значит взять на себя заботу о его благополучии на все то время, пока он находится под вашим кровом.

«Удовольствие от еды доступно человеку любого возраста и любого общественного положения...». Открытка из серии «Афоризмы Брийя-Саварена». 1900-е

Диалог между автором и его другом (после обмена первыми комплиментами)

Друг: Этим утром, за завтраком, мы с женой, здраво рассудив, решили, что вам надо как можно скорее опубликовать ваши «Гастрономические размышления».

Автор: Чего хочет женщина, того хочет Бог. Всего несколько слов, но для Парижа это непреложный закон. Однако я тут нездешний, да к тому же холостяк...

Друг: Господи! На холостяков он распространяется совершенно так же, как и на всех остальных, и порой к нашему большому несчастью. Но здесь безбрачие не сможет вас спасти: моя жена утверждает, будто имеет право вами командовать якобы потому, что именно у нее в деревне вы написали первые страницы своего труда.

Автор: Ты ведь знаешь, дорогой доктор, как я почтителен с дамами; ты и сам не раз хвалил меня за то, что я покорно следую всему, что они велят, ты также был одним из тех, кто утверждал, будто из меня вышел бы превосходный муж... И тем не менее я не отдам свою рукопись в печать.

Друг: Да почему же?

Автор: Да потому, что я в силу своего положения вынужден заниматься серьезными делами и опасаясь, как бы те, кто ознакомится с моей книгой лишь по названию, не сочли, что это вздор, а я просто валяю дурака.

Друг: К чему этот панический страх! Неужели тридцати шести лет непрерывных трудов на благо общества недостаточно, чтобы составить о вас совершенно противоположное мнение? Впрочем, мы с женой уверены, что все захотят ее прочитать.

Автор: В самом деле?

Друг: Вас прочитают ученые, чтобы наконец изучить и понять то, что вы обозначили лишь в общих чертах.

Автор: Хорошо бы.

Друг: Вас прочтут женщины, потому что они-то наверняка увидят, что...

Автор: Дорогой друг, я уже стар и пришел к мудрости: «Miserere mei»⁴.

Друг: Вас прочитают гурманы, потому что вы воздадите им по справедливости и укажете наконец то место, которое они достойны занимать в нашем обществе.

Автор: Вот в этом ты прав: просто уму непостижимо, как долго они не были признаны, мои дорогие гурманы! Я испытываю к ним поистине отцовские чувства; они ведь такие миляги! У них так блестят глаза!

Друг: И потом, разве вы сами не говорили, причем довольно часто, что нашим библиотекам недостает вашего произведения?

Автор: Я действительно так говорил, и пусть меня лучше удавят, чем я отрекусь от своих слов.

Друг: Но вы же говорите как человек совершенно убежденный! Значит, вы пойдете вместе со мной к...

Автор: О нет! Хотя в ремесле писателя есть свои прелести, в нем есть и неприятные стороны, так что я оставляю все это моим наследникам.

Друг: Но вы же обездолите своих друзей, знакомых, своих современников! И у вас хватит на это мужества?

---

⁴ Начало католической молитвы: «Помилуй меня, [Боже, по великой милости Твоей]».

Автор: Мои наследники! Мои наследники! Я слышал, что живущие беспрестанно льстят теням усопших, осыпая их восхвалениями; именно эту разновидность блаженства я и хочу обеспечить себе на том свете.

Друг: Но уверены ли вы, что похвалы дойдут по вашему адресу? И вообще, уверены ли вы в своих наследниках?

Автор: Но у меня нет никаких оснований полагать, что они могут пренебречь долгом, ради которого я избавляю их от многого другого.

Друг: Однако проявят ли они, смогут ли проявить к вашему детищу ту отцовскую любовь, то внимание, без которых оно неизбежно предстанет перед публикой в несколько неряшливом виде?

Автор: Моя рукопись будет выправлена, переписана набело и предстанет во всеоружии. Останется только ее напечатать.

Друг: Ну а вдруг случится что-нибудь? Увы! Подобные досадные обстоятельства погубили немало драгоценных произведений, и среди прочих книгу знаменитого Лека⁵ о состоянии души во время сна – труд всей его жизни.

Автор: Разумеется, это было бы большой потерей, и я весьма далек от того, чтобы лезть на рожон, питая подобные сожаления.

Друг: Поверьте, у наследников найдется достаточно дел, которые надо уладить с Церковью, с правосудием, с медицинским факультетом и с самими собой, так что им наверняка не останется если не воли, то по меньшей мере времени, чтобы посвятить себя заботам, которые предшествуют публикации книги, сопровождают ее и следуют за ней, сколь бы малой по объему она ни была.

Автор: А название! Сюжет! А злые шутники!

Друг: Уже одно только слово «гастрономия» заставляет наострить уши; этот сюжет нынче в моде, а злые шутники – такие же гурманы, как и все прочие. Так что это должно вас успокоить. Впрочем, вы, может, не знаете, но «легковесные» произведения порой писали и важные особы. Председатель де Монтескье⁶, например⁷.

Автор (с живостью): А ведь верно! Он сочинил «Книдский храм», и можно, пожалуй, согласиться, что гораздо больше проку в том, чтобы размышлять над потребностью, которая к тому же является повседневным занятием и удовольствием, нежели сообщать нам, что делали или говорили более двух тысяч лет назад в рощах Греции двое сопляков: он – преследуя свою подружку, она – не имея ни малейшего желания убежать.

Друг: Так вы сдаетесь, наконец?

Автор: Я? Ну уж нет! Едва показался кончик авторского уха, как это напомнило мне сцену из одной английской высокой комедии, которая меня изрядно позабавила; называлась она вроде бы «The natural Daughter»⁸. Суди сам⁹.

Речь там идет о квакерах, а те, кто состоит в этой секте, как тебе известно, ко всем обращаются на «ты», одеваются просто, не участвуют в войнах, никогда не клянутся, всегда действуют бесстрастно, но главное – ни при каких обстоятельствах не должны впадать во гнев.

---

⁵ Лека Клод-Николя (1700–1768) – блестящий французский хирург и терапевт; оставил после себя также десяток научных работ.

⁶ Монтескье Шарль Луи де Сгонда (1689–1755) – французский просветитель, правовед, философ и писатель, член Французской академии. Пастораль «Книдский храм» (поэма в прозе, 1725) написана им в духе гедонистического эпикуреизма.

⁷ Г-н де Монтюкла, известный благодаря своей очень хорошей «Истории математики», составил также «Словарь гурманской географии»; он показывал мне фрагменты из него, когда я находился в Версале. И уверяют, будто г-н Берия Сен-При, который читает превосходный курс лекций о судебной процедуре, написал многотомный роман.

⁸ «Внебрачная дочь» (англ.).

⁹ Читатель, наверное, заметил, что мой друг позволяет обращаться к себе на «ты», отнюдь не отвечая мне взаимностью. Дело в том, что по возрасту я гожаусь ему в отцы, и он, хоть и сделался во всех отношениях значительным человеком, расстроился бы, если бы я изменил грамматическое число.

Итак, герой этой пьесы – молодой красивый квакер, он появляется на сцене в темном платье, с прилизанными волосами и в большой, надвинутой на глаза шляпе, что не мешает ему быть влюбленным.

Некий самодовольный хлыщ, который оказывается его соперником, расхрабрившись из-за наружности квакера и намерений, которые он у него подозревает, высмеивает его и оскорбляет, так что молодой человек, понемногу распаляясь, наконец приходит в ярость и твердой рукой задает взбучку наглецу, который его спровоцировал.

Покарав обидчика, он вдруг возвращается к своей прежней повадке и сокрушенно вздыхает: «Увы! Боюсь, что плоть возоблала над духом».

Я поступаю таким же образом и после вполне извинительного порыва возвращаюсь к своему первоначальному мнению.

Друг: Нет, дольше это уже терпеть невозможно! Вы, по вашему собственному признанию, высунули наружу кончик уха – вот за него-то я и ухвачусь, чтобы отвести вас к издателю. И даже скажу вам, что издатель отнюдь не единственный, кто проведал ваш секрет.

Автор: Даже не пытайся, ведь я упомяну о тебе, и кто знает, что я скажу!

Друг: Что вы можете обо мне сказать? Вам нечем запугать меня.

Автор: Я не стану говорить, что наша общая родина¹⁰ прославилась, породив тебя; что в двадцать четыре года ты уже явил миру свое первое произведение, которое с тех пор стало классикой; что твоя заслуженная репутация вызывает к тебе доверие; что твоя наружность успокаивает больных, умелость поражает, а твоя чувствительность их утешает, – все это и без того всем известно. Но я открою всему Парижу (*говорю я, вставая*), всей Франции (*выпячивая грудь*), всему свету единственный недостаток, который знаю за тобой.

Друг (посерьезнев): И какой же, с вашего позволения?

Автор: Обычный недостаток, от которого все мои увещевания так и не смогли тебя избавить.

Друг (испуганно): Да скажите же, наконец, это слишком жестоко – так меня мучить.

Автор: Ты ешь слишком быстро¹¹.

(*Тут мой друг берет шляпу и уходит с улыбкой, догадавшись, что проповедовал перед уже обращенным.*)

---

¹⁰ Белле – столица области Бюже, очаровательного края, где есть высокие горы, холмы, реки, прозрачные ручьи, водопады, пропасти, настоящий английский парк в сотню квадратных лье и где до революции третье сословие имело по местному основному закону право вето на решения двух других сословий.

¹¹ Исторический факт.

Иллюстрация к «Физиологии вкуса» из парижского издания 1847 года

Биографии

Доктор, которого я ввел в предыдущий диалог, вовсе не является фантастическим существом наподобие былых Хлорид¹², он вполне настоящий, и все, кто близко со мною знаком, наверняка сразу же узнали доктора Ришерана.

Занимаясь им, я добрался и до тех, кто ему предшествовал, с гордостью отмечая, что округ Белле на моей родине, в департаменте Эн, оказался в состоянии дать столице мира целый выводок замечательных врачей, так что я не устоял перед искушением воздвигнуть им скромный памятник в этой краткой заметке.

В дни регентства доктора Женен и Сивок были первоклассными практикующими врачами и вернулись на родину с достойно приобретенным состоянием. Первый был совершенным последователем Гиппократа и строго следовал его заветам; второй, лечивший многих красивых дам, был более мягок и покладист: «*Res novas molientem*»¹³, как сказал бы Тацит.

В 1750 году на опасном поприще военной медицины отличился доктор Лапатель. Нам осталось от него несколько хороших трудов, вдобавок мы обязаны ему тем, что он первым применил для лечения пневмонии свежее сливочное масло – метод, который излечивает болезнь как по волшебству, если употребить его в первые тридцать шесть часов инвазии¹⁴.

В 1760 году доктор Дюбуа достиг величайших успехов в лечении посредством паров весьма модной в ту пору болезни и столь же распространенной, как нынешние нервические заболевания, пришедшие ей на смену. А популярность, которую он снискал, казалась тем более замечательной, что он был далеко не красавцем.

К несчастью, он слишком рано разбогател, обрел независимость и предался лени, удовлетворяясь лишь ролью любезного гостя к обеду да презабавнейшего рассказчика.

Он обладал крепким сложением и прожил более восьмидесяти восьми лет, несмотря на трапезы старого и нового режимов – или, скорее, благодаря им¹⁵.

В конце царствования Людовика XV в Париж приехал уроженец Шатийона доктор Кост; с собой у него было письмо Вольтера к герцогу де Шуазелю, чье расположение он имел счастье завоевать с первых же визитов. При покровительстве этого вельможи и его сестры, герцогини де Граммон, молодой Кост быстро пробил себе дорогу, приобрел известность и всего за несколько лет стал одним из тех парижских врачей, что подавали наибольшие надежды.

Но та же протекция, что устроила ему карьеру, оторвала этого баловня судьбы от его спокойного прибыльного поприща и поставила во главе санитарной службы войск, которые Франция отправила в Америку на помощь Соединенным Штатам, сражавшимся за свою независимость.

Выполнив эту миссию, доктор Кост вернулся во Францию, почти незамеченным провел ненастный 1793 год и несколько последующих, а затем был избран мэром Версаля, где до сих пор помнят его деятельное и вместе с тем по-отечески мягкое управление.

---

¹² *Хлорида* (или Хлорис) – имя нимфы, превратившейся в богиню Флору (Овидий, «Фасты»).

¹³ «Желал вызвать волнения», «замышлял заговор» и т. п. (*лат.*). Эта расхожая фраза встречается и у других историков, в частности у Светония.

¹⁴ *Инвазия* – начало инфекционной болезни.

¹⁵ Я улыбался, дописывая этот абзац и вспоминая одного академика, крупного вельможу, по смерти которого Фонтенелю, как неперемому секретарю Академии, пришлось писать похвальное слово в его честь. Усопший не умел ничего другого, кроме как хорошо играть во все игры, – вот на этом-то талантливый писатель и основал свой прекрасно отделанный панегирик подобающей длины. (См. также Размышление XIV «О застольных удовольствиях», где действующим лицом становится доктор.)

Вскоре Директория привлекла его к заведованию военной медициной, а Бонапарт назначил одним из трех главных инспекторов армейской медицинской службы; там доктор стал неизменным другом, защитником и отцом для молодых людей, посвятивших себя этому делу.

Наконец, он был назначен врачом королевского Дома инвалидов и занимал эту должность до самой смерти.

В правление Бурбонов столь долгая служба не могла остаться без вознаграждения, и Людовик XVIII совершенно справедливо пожаловал ему ленту ордена Святого Михаила.

Доктор Кост умер несколько лет назад, оставив по себе благодарную память, исключительно философское наследство и единственную дочь, супругу г-на де Лало, который отличился в палате депутатов своим ярким и глубоким красноречием, которое, однако, не помешало ему пойти ко дну во время кораблекрушения.

Однажды, когда мы вместе обедали у г-на Фавра, сен-лоранского кюре, доктор Кост рассказал о бурной ссоре, случившейся у него в этот же день с графом де Сессаком, тогдашним министром-директором военной администрации, из-за экономии, которую тот хотел предложить, выслуживаясь перед Наполеоном.

Готфрид Лохер. Сцена в провинциальной аптеке. Гравюра. 1775

План состоял в том, чтобы урезать раненым солдатам половину их порции панированной воды и стирать корпию, которую снимали с ран, чтобы использовать ее во второй, а то и в третий раз.

Доктор бурно воспротивился этой затее, которую счел отвратительной, и был все еще настолько переполнен негодованием, что снова вскипел, словно тот, кто был тому причиной, все еще находился перед ним.

Я так и не узнал, был ли граф в самом деле переубежден и отказался ли от плана своей экономии, оставив его в портфеле; но мне доподлинно известно, что раненные солдаты в лазаретах по-прежнему могли пить вволю, а использованная корпия выбрасывалась.

В 1780 году доктор Бордье, уроженец окрестностей Амберье, приехал в Париж с намерением заняться медициной.

С больными он был мягок, придерживался выжидательной тактики симптоматического лечения и ставил безошибочные диагнозы.

Став профессором медицинского факультета, он относился к студентам по-отечески, читал свои лекции просто, и они пользовались успехом. Почести пришли к нему, когда он о них даже не помышлял: его назначили врачом императрицы Марии-Луизы. Однако наслаждался он своим новым положением недолго: Империя рухнула, а самого доктора доконала болезнь ног, с которой он боролся всю свою жизнь.

Доктор Бордье был человеком спокойного нрава, благодетельным и надежным.

В конце восемнадцатого века появился доктор Бишá. . . Все его сочинения несут на себе печать гения, он истощил свою жизнь в трудах, призванных продвинуть науку вперед, сочетал в себе воодушевленную порывистость с долготерпением, свойством ограниченных умов, а скончавшись всего в тридцать лет, удостоился государственных почестей.

Позже доктор Монтегр привнес в клиническую практику философский дух. Он со знанием дела издавал «Медицинскую газету» и умер в сорок лет на островах, куда отправился, чтобы пополнить свои будущие научные труды сведениями о желтой лихорадке и черной рвоте (vomito negro).

Доктор Ришеран, великолепный хирург, в настоящее время достиг самых высоких ступеней оперативной медицины, а его «Основы физиологии» переведены на все языки. Он был облечен высочайшим доверием, рано став профессором медицинского факультета в Париже. Никто не обладает столь же утешительным словом, легкой рукой и проворным скальпелем.

Бок о бок со своим земляком трудится доктор Рекамье¹⁶, профессор того же факультета. . .

Таким образом, настоящее обеспечено и уже готовится будущее: под крылами этих мощных профессоров учатся молодые люди, их земляки, обещая следовать столь достойным примерам.

Уже стали парижанами доктора Жанен и Манжо. Доктор Манжо (улица Бак, 39) занимается в основном детскими болезнями; его советы благотворны, и скоро он наверняка поделится ими с читающей публикой.

Я надеюсь, что любой благородный читатель извинит за это отклонение от темы старика, коего тридцать пять лет жизни в Париже так и не заставили забыть ни свою родину, ни своих земляков. Мне уже нелегко обходить молчанием стольких замечательных врачей, чью память по-прежнему глубоко чтят в их родном краю; хоть они и не сподобились блестящей известности на широкой общественной сцене, но все же приобрели большие познания и имеют немало заслуг.

---

¹⁶ Крестник автора; это он выхаживал меня во время моей недавней короткой болезни.

Гюстав Жерлье. Жан Антельм Брийя-Саварен. Иллюстрация из «Большого кулинарного словаря» Александра Дюма

Предисловие

Мне не пришлось прилагать великие усилия, дабы представить свое сочинение на благожелательный суд публики, достаточно было всего лишь привести в порядок давно собранные материалы, каковое развлекательное занятие я приберег себе на старость.

Рассматривая гастрономические удовольствия со всех сторон, я вскоре заметил, что тут можно сделать кое-что получше обыкновенной поваренной книги, что тут можно еще много чего рассказать о столь весьма существенных и постоянных отправлениях человеческого организма, которые непосредственно влияют на здоровье человека, на его благополучие и даже на дела.

Как только я сосредоточился на этой главной мысли, все остальное само собой вытекло из этого источника: я смотрел вокруг, делал заметки, и часто среди самых роскошных пиршеств удовольствие наблюдать спасало меня от скуки вынужденного присутствия за столом.

Для того только, чтобы выполнить задачу, которую я перед собою поставил, мне приходилось быть физиком, химиком, физиологом и даже немного эрудитом. Однако всем этим я занимался без малейшей претензии на писательство; меня влекли к этому лишь похвальная любознательность, опасение отстать от своего века да желание беспрепятственно общаться с учеными мужами, в обществе которых я всегда любил находиться¹⁷.

Прежде всего я врач-любитель, это у меня почти мания, и одним из прекраснейших для меня дней был тот, когда я, войдя через дверь для профессоров и вместе с ними на защиту диссертации доктора Клоке, с превеликим удовольствием услышал, как по амфитеатру пробежал шепоток любопытства, поскольку каждый студент спрашивал своего соседа: кто этот внушительного вида незнакомый профессор, почтивший собрание своим присутствием?

Однако был и другой день, воспоминание о котором мне, пожалуй, столь же дорого: я тогда представил Административному совету поощрения национальной промышленности свой ороситель – инструмент моего собственного изобретения; собственно, это было не что иное, как компрессионный разбрызгиватель, приспособленный для ароматизации помещений.

Полностью снаряженная машинка лежала у меня в кармане; я достал ее, повернул краник, и оттуда со свистом вырвался благоуханный пар, который сначала поднялся до потолка, а затем, сгустившись, осел мелкой изморосью на людях и бумагах.

Вот тогда-то я с невыразимым удовольствием увидел, как ученейшие головы столицы склонились под моим капельным орошением, и сомлел от радости, заметив, что самые промокшие оказались также самыми довольными.

Задумываясь порой о глубокомысленных разглагольствованиях, к которым меня вынуждала обширность моего предмета, я стал искренне опасаться, как бы не наскучить читателю, ведь и мне самому тоже случалось зевать над чужими произведениями.

Дабы избежать этого упрека, я сделал все, что было в моей власти, и лишь слегка коснулся рискованных в отношении скуки сюжетов: пересыпал свое произведение анекдотами, причем некоторые из них почерпнул из собственной жизни; оставил в стороне значительное количество необычайных, слишком уж своеобразных фактов, которые здравая критика наверняка отвергнет; а также пробудил читательское внимание, прояснив и сделав общедоступными некоторые знания, которые ученые, похоже, приберегли исключительно для самих себя.

---

¹⁷ «Приходите пообедать со мной в следующий четверг, – сказал мне однажды г-н Грефюль, – я вас сведу с учеными или с литераторами, выбирайте сами. – Мой выбор уже сделан, – отозвался я, – мы пообедаем дважды». Так все в действительности и случилось, но трапеза с литераторами оказалась значительно более изысканной и прихотливой. (См. Размышление X.)

Если же, несмотря на столько усилий, мне все-таки не удастся предоставить читателям легкой для переваривания науки, то я из-за этого хуже спать не стану, будучи вполне уверен, что большинство из них меня простит, памятуя о моих благих намерениях.

Еще меня можно было бы попрекнуть тем, что я порой позволяю своему перу бежать слишком прытко, а временами становлюсь излишне болтлив. Но неужели моя вина в том, что я стар? Неужели моя вина, что я, подобно Улиссу, немало повидал на своем веку и мне ведомы нравы и обычаи многих народов? И неужели я заслуживаю порицания, если временами упоминаю кое-что из собственной биографии? В конце концов, пусть читатель будет мне благодарен хотя бы за то, что я избавляю его от своих воспоминаний политического характера; хотя было бы неплохо, если бы он почитал их, как и многие другие, ибо на протяжении тридцати шести лет я находился на лучших местах, чтобы наблюдать за людьми и событиями.

А главное, пусть меня поостерегутся причислять к КОМПИЛЯТОРАМ: если бы я доказал до такого, то отложил бы перо в сторону и не стал бы из-за этого жить менее счастливо. Выскажусь словами Ювенала:

*Semper ego auditor tantum! nunquamne reponam!*¹⁸

И все, узнавшие себя здесь, с легкостью заметят, что, равным образом приспособиваясь и к волнениям в обществе, и к кабинетной тиши, я поступил правильно, постаравшись извлечь пользу как из того, так и из другого.

Наконец, я много чего сделал ради собственного удовлетворения: упомянул многих своих друзей, которые совсем этого не ожидали, воскресил в памяти кое-какие приятные воспоминания, закрепил там другие, уже готовые от меня ускользнуть, – в общем, как говорится, «потешил себя».

Быть может, найдется какой-нибудь читатель из категории зануд, который воскликнет: «И все-таки мне бы очень хотелось знать, правда ли?.. А также о чем он думал, говоря, что... и т. д. и т. п.». Но я уверен, что все остальные дружно заставят его умолкнуть и подавляющее большинство добродушно воспримет эти излияния вполне похвального чувства.

Мне остается кое-что добавить о своем стиле, ибо, как сказал Бюффон, «в стиле весь человек».

И пускай не думают, будто я собираюсь просить о снисхождении – его никогда не проявляют к тем, кто в нем нуждается, – речь идет всего лишь о простом объяснении.

Мне следовало бы писать великолепно, ведь Вольтер, Жан-Жак, Фенелон, Бюффон, а позже Кошен и д'Агессо были моими любимыми авторами, я знаю их наизусть.

Но возможно, боги распорядились иначе; и если это так, то вот почему.

Я более или менее прилично знаю пять живых языков, что дает мне огромный и столь же пестрый словарный запас.

Когда я нуждаюсь в каком-нибудь выражении, но не нахожу его во французском отделении своей картотеки, то лезу в соседнее – вот откуда у читателя возникает необходимость переводить меня либо угадывать, что же я сказал, но таков уж его удел.

Я вполне мог бы поступать иначе, но в этом мне препятствует неодолимая приверженность системе.

Я глубоко убежден, что тот французский язык, которым я пользуюсь, относительно беден. И как тут быть? Приходится заимствовать либо воровать. Я делаю и то и другое, потому что подобные заимствования возврату не подлежат, а воровство слов Уголовным кодексом не наказуется.

---

¹⁸ Ювенал. Сатира первая [Апология сатиры]: «Долго ль мне слушать еще? Неужто же не отплачу я...» (Перевод Д. С. Недовича.)

Поясню свою дерзость: я называю по-испански *volante* любого человека, которого посылаю с каким-либо поручением, и уже был готов офранцузить английский глагол *to sip*, означающий «пить маленькими глотками», пока не откопал французское слово *siroter*¹⁹, которому придают примерно то же значение.

Я вполне готов к тому, что суровые ревнители возопят о Боссюэ, Фенелоне, Расине, Буало, Паскале и других представителях эпохи Людовика XIV; мне так и кажется, будто я слышу поднятый ими чудовищный гвалт.

На это я степенно отвечаю, что далек от умаления достоинств этих авторов, как названных, так и подразумеваемых, но что отсюда следует?.. Ничего, кроме того, что они, преуспев с негодным инструментом, справились бы куда лучше, имея превосходный. Схожим образом надобно полагать, что Тартини²⁰ еще лучше играл бы на скрипке, будь у него смычок такой же длины, как у Байо²¹.

Так что я отношу себя к неологистам и даже к романтикам; эти последние отыскивают потаенные сокровища; а те, другие, подобны мореплавателям, что отправляются за необходимыми товарами в дальнюю даль.

Народы Севера, и особенно англичане, в этом отношении имеют перед нами огромное преимущество: там гений никогда не стесняет себя в выражении – он либо создает сам, либо заимствует. Вот почему во всех случаях, когда сюжет предполагает глубину и энергичность, наши переводчики делают лишь бледные, бесцветные копии²².

Как-то раз я слышал в Институте²³ весьма изящную речь об опасности неологизмов и о необходимости держаться за наш язык, сохраняя его таким, каким он был запечатлен авторами славного ушедшего века.

Подобно химику, я подверг это высказывание дистилляции, и вот что от него осталось на дне реторты: «Мы сделали так хорошо, что невозможно сделать ни лучше, ни иначе».

Однако я достаточно прожил, чтобы понять: каждое поколение говорит то же самое и каждое следующее поколение никогда не упустит случая посмеяться над этим.

Впрочем, как же не меняться словам, когда и нравы, и идеи постоянно претерпевают изменения? Если мы и делаем те же вещи, что и древние, то делаем их не так, как они, и в некоторых французских книгах найдутся целые страницы, которые невозможно перевести ни на латынь, ни на греческий.

Все языки рождаются, достигают расцвета и клонятся к упадку; и все языки, что блистали со времен Сезостриса до Филиппа-Августа, сохранились разве что в надписях на дошедших до нас памятниках. Французский язык ждет та же участь, и в 2825 году меня смогут прочесть только со словарем, если вообще станут читать...

По этому поводу мы с любезным г-ном Андриё из Французской академии вступили в яростную перепалку.

Я как следует изготовился к битве, мощно атаковал и наверняка разгромил бы его, если бы он поспешно не ретировался; впрочем, я не стал его преследовать, вспомнив, к счастью для него, что он занят очередной буквой в новом словаре.

Я заканчиваю важным замечанием, которое приберег напоследок.

Когда я пишу и говорю о себе в единственном числе, это предполагает некое сотворчество с читателем: он может рассматривать предмет со всех сторон, спорить со мной, сомневаться

---

¹⁹ Потягивать, смаковать.

²⁰ *Тартини Джузеппе* (1692–1770) – итальянский скрипач и композитор.

²¹ *Байо Пьер Мари Франсуа де Саль* (1771–1842) – французский скрипач, композитор и музыкальный педагог.

²² Превосходный перевод лорда Байрона Бенжаменом Ларошем является исключением из правила, но отнюдь не отрицает его. Вряд ли этот подвиг будет повторен.

²³ Имеется в виду Французский институт – основное официальное научное учреждение Франции, объединяющее пять национальных академий, в том числе Французскую академию.

и даже смеяться. Но стоит мне вооружиться грозным «мы» – значит, я приступил к чтению лекции, и тут уж ему следует присмиреть.

*I am, Sir, oracle,
And, when I open my lips, let no dog bark²⁴.*

---

²⁴ «Оракул я. Вещать начну – пускай и пес не гавкнет» (Шекспир. Венецианский купец. Акт I, сцена 1).

Часть первая

Размышление I Об органах чувств

Посредством органов чувств человек вступает в отношения с внешним миром.

Количество чувств

1. Их насчитывают по меньшей мере шесть.

Зрение, которое охватывает собою пространство и при посредстве света осведомляет нас об окружающей жизни и об окраске тел.

Слух, который при посредстве воздуха воспринимает колебания, причиненные либо издающими, либо передающими звуки телами.

Обоняние, посредством которого мы ощущаем запахи тел, которые ими наделены.

Вкус, посредством которого мы оцениваем все, что обладает вкусовыми свойствами или годится в пищу.

Осязание, посредством которого мы определяем плотность тел и судим об их поверхности.

Наконец, половое чувство, влекущее оба пола друг к другу, или физическая любовь, целью которой является продолжение рода.

Удивительно, но почти вплоть до Бюффона столь важное чувство недооценивали, смешивая его с осязанием или, скорее, присоединяя к нему.

Однако производное от него ощущение не имеет ничего общего с ощущением от осязания; оно возникает в таких самодостаточных приспособлениях, как губы или глаза. И вот что удивительно: хотя каждый пол в отдельности располагает всем необходимым, чтобы испытывать это ощущение, тем не менее для достижения назначенной природой цели требуется, чтобы они объединились. И если вкус, имеющий целью сохранение индивида, бесспорно является чувством, то по еще более веской причине следует предоставить это название тому, что предназначено для сохранения целого вида.

Так что отведем половому влечению должное место среди чувств, в коем ему невозможно отказать, а заботу определить его ранг возложим на наших потомков.

Абрахам Босс. Аллегория вкуса. Гравюра из серии «Пять чувств». 1635–1638

Приведение чувств в действие

2. Если с помощью воображения можно перенестись к первым моментам существования рода человеческого, то точно так же можно допустить, что его первые ощущения были откровенно грубыми: люди нечетко видели, смутно слышали, нюхали без всякого разбора, ели не смакуя и даже их плотское наслаждение было скотством.

Но поскольку все чувства имеют своим средоточием душу – особый отличительный признак рода человеческого и постоянно действующую причину совершенствования, – то они были в ней осмыслены, подвергнуты сравнению, взвешены и вскоре стали помогать друг другу ради пользы и благополучия нашего чувственного «я», или, что одно и то же, каждого отдельного человека.

Так осязание стало исправлять ошибки зрения, звук при посредстве произнесенного слова стал истолкователем всех ощущений, вкусу помогало зрение и осязание, слух сравнивал звуки, оценивал расстояния, а половое влечение завладело органами всех прочих чувств.

Могучее течение веков несло род человеческий все дальше, беспрестанно подталкивая к новым усовершенствованиям, коих причина, хоть и незаметная, но неизменно деятельная, коренится в потребности наших чувств: они постоянно, раз за разом требуют приятности от пользования ими.

Так зрение дало толчок к рождению живописи, скульптуры и всякого рода зрелищ.

Слух породил мелодию, гармонию, танец и музыку со всеми ее ответвлениями и средствами исполнения.

Обоняние – поиск, добычу и употребление всякого рода благовоний.

Вкус – производство, отбор и приготовление всего, что может служить пищей.

Осязание – все искусства, ремесла и промыслы.

Половое влечение – все, что может подготовить или украсить сопряжение полов, а со времен Франциска I – романтическую любовь, кокетство и моду. В частности, зародившееся во Франции кокетство имеет исключительно французское название, и, дабы преуспеть в нем, сливки разных наций берут во вселенской столице его каждодневные уроки.

Это утверждение, каким бы странным оно ни казалось, тем не менее легко доказуемо, поскольку ни на одном древнем языке невозможно высказаться с большей ясностью об этих трех главных движущих силах современного общества.

Я даже сочинил на сей счет не лишенный достоинств диалог, однако выбросил написанное, чтобы оставить это удовольствие моим читателям: пусть каждый придумает его на собственный лад; тут есть где применить свое остроумие и даже эрудицию, хватит на целый вечер.

Мы сказали выше, что половое влечение вторглось в органы всех прочих чувств; с не меньшей силой оно повлияло и на все науки, поскольку, присмотревшись повнимательнее, мы увидим: всеми наиболее изящными и изобретательными научными решениями мы обязаны желанию, надежде или признательности, причастным к взаимоотношениям полов.

Таково на самом деле родословие наук, даже самых отвлеченных: они являются лишь непосредственным результатом неослабных усилий, которые мы совершаем, чтобы доставить удовольствие своим чувствам.

Усовершенствование чувств

3. И все же наши чувства, с которыми мы так носимся, весьма далеки от совершенства, и я не устану это доказывать. Замечу лишь, что зрение, чувство столь бесплотное, и осязание, находящееся на противоположном конце лестницы, со временем приобрели замечательную добавочную силу.

Благодаря очкам зрение избегает так называемого старческого ослабления, угнетающего большинство прочих органов.

С помощью телескопа были обнаружены звезды, доселе неизвестные и недоступные для любых средств измерения; он позволил углубиться на такие расстояния, на которых огромные светила предстают перед нами лишь как смутные и почти неразличимые пятнышки.

Микроскоп приобщил нас к знанию о внутреннем устройстве различных тел, он показал нам такую растительную жизнь и такие растения, о существовании которых мы даже не подозревали. Наконец, перед нашим взором предстали живые существа в сто тысяч раз мельче самой малой букашки, которую еще можно различить невооруженным глазом; а между тем эти крохи двигаются, питаются, размножаются, что предполагает у них органы такой миниатюрности, которую мы даже не в силах себе вообразить.

С другой стороны, механика приумножила силы человека; он исполнил все, что смог задумать, и стал ворочать грузы такой тягости, которые природа создала неподъемными для его слабосилия.

С помощью орудий и рычага человек обуздал природу, подчинил ее своим удовольствиям, потребностям, прихотям и, перевернув землю вверх дном, из слабого двуногого существа превратился во владыку мироздания.

Зрение и осязание, увеличив таким образом свою силу, могли бы принадлежать виду, стоящему гораздо выше человека; однако, если бы и все остальные чувства были бы так же улучшены, род людской стал бы совсем другим.

Все же надо заметить, что, хотя осязание обеспечило себе большое развитие в качестве мышечной силы, цивилизация почти ничего не сделала для его чувствующего органа; однако отчаиваться не стоит, лучше напомним себе, что род человеческий еще довольно молод, а чувства смогут расширить свои владения лишь после долгой череды веков.

Например, понадобилось около четырех столетий для открытия гармонии – науки совершенно небесной, которая в отношении звуков является тем же самым, что живопись в отношении красок²⁵.

Разумеется, древние умели петь под аккомпанемент инструментов, играющих в унисон; однако это был предел их познаний; они не умели ни членить звуки, ни оценивать их взаимоотношения.

Лишь в пятнадцатом веке была разработана музыкальная гармония, упорядочено движение аккордов, и всем этим люди помогли себе, чтобы поддерживать голос и усиливать выражение чувств.

Это столь запоздалое, но тем не менее столь естественное открытие сделало слух более изощренным, оно выявило в нем две в некотором роде независимые способности, одна из которых воспринимает звук, а другая оценивает звучание.

Немецкие доктора утверждают, что у людей, чувствительных к гармонии, на одно чувство больше, чем у остальных.

---

²⁵ Нам известно, что утверждалось противоположное, но это мнение ничем не обосновано. Если бы древние знали гармонию, в их сочинениях сохранилось хотя бы несколько четких замечаний на сей счет, однако вместо этого они ограничились всего лишь туманными фразами, которые можно подогнать под любые умозаключения. К тому же невозможно отследить зарождение и развитие гармонии в дошедших до нас памятниках прошлого; своими представлениями о ней мы обязаны арабам, которые подарили нам орган, – именно он, давая возможность слышать одновременно несколько непрерывных звуков, и породил первую мысль о гармонии.

Хендрик Хондиус Старший. Слух. Аллегорическая гравюра из серии «Пять чувств». XVII в.

Что же касается тех, для кого музыка всего лишь хаотичное нагромождение звуков, то уместно заметить, что фальшиво поют почти все; надо полагать, что слуховой аппарат у них устроен таким образом, что воспринимает только короткие вибрации без волнообразных колебаний, или, скорее, поскольку оба их уха обладают разными диапазонами, то из-за разницы в длине вибраций и слабой чувствительности их слуха они передают в мозг лишь смутное,

неясное ощущение, подобно двум инструментам, которые играют вразнобой, не совпадая ни в тоне, ни в ритме, а потому не позволяют услышать никакой связной мелодии.

За последние века также значительно расширилась область вкусовых ощущений: появился сахар вместе с различными способами его приготовления, а также спиртные напитки, лед, ваниль, чай, кофе – все это даровало нам вкусы прежде незнакомой природы.

Кто знает, не обнаружит ли и осязание в свой черед источник новых наслаждений благодаря какому-нибудь счастливому случаю? Это тем более вероятно, что осязаем мы всем телом, и следовательно, наша тактильная чувствительность может быть возбуждена повсеместно.

Сила вкуса

4. Мы видели, что физическая любовь вторглась во все области знания, и действует она с той же тиранией, которая всегда была ее отличительной чертой.

Вкус – более осторожная, более умеренная, хотя и ничуть не менее активная способность. Вкус, признаём, достиг той же цели неторопливо, что и обеспечивает долговременность его успехов.

Мы рассмотрим его действие в другом месте; однако уже сейчас мы можем заметить, что тому, кто участвует в роскошной трапезе в зале, украшенном зеркалами, картинами, статуями и благоуханными цветами, где присутствуют красивые женщины и звучит приятная, гармоничная музыка, не понадобится прилагать чрезмерные умственные усилия, дабы убедить себя в том, что все людские познания были привлечены сюда с единственной целью: послужить надлежащим обрамлением для усад вкуса и как можно лучше оттенить их.

Цель действия чувств

5. Теперь если мы окинем взглядом действия наших чувств в целом, то увидим, что создавший их Творец мироздания имел двоякую цель, где одна вытекает из другой, а именно: сохранение самого индивида и продолжение его рода.

Таков удел человека, если рассматривать его как существо чувствующее, и именно к этой двоякой цели направлены все его действия.

Взгляд распознает внешние предметы, открывает человеку чудеса, которыми тот окружен, и сообщает ему, что он является частью большой Вселенной.

Слух воспринимает звуки не только как приятное ощущение, но еще и как предупреждение о движении предметов, которое может быть сопряжено с какой-либо опасностью.

Чувствительность готова предупредить посредством боли о любом непосредственном причинении вреда.

Рука, эта верная служительница, не только подготовлена к отдергиванию и обеспечена для этого надлежащей подвижностью, но и еще хватается преимущественно за те предметы, которые инстинкт счел пригодным для возмещения понесенных при спасении жизни потерь.

Обоняние изучает их, поскольку ядовитые вещества почти всегда отличаются дурным запахом.

И тут подключается вкус: приходят в действие зубы, язык, снимая пробу, объединяется с нёбом, и вскоре желудок начинает усвоение.

В этом состоянии ощущается какая-то непонятная истома, окружающие предметы блекнут, тело обмякает, глаза слипаются и, наконец, все исчезает, а чувства погружаются в состояние полного покоя.

Очнувшись от дремы, человек видит, что вокруг него ничто не изменилось; однако внутри у него тлеет какой-то потаенный огонек – это развился новый орган, и человек испытывает потребность разделить с кем-нибудь свою жизнь.

Это деятельное, беспокойное, властное чувство – общее для обоих полов; оно сближает их, объединяет, а после оплодотворения, создавшего зародыш новой жизни, индивиды могут спать спокойно: они только что выполнили самую священную из своих обязанностей, обеспечив продолжение своего рода²⁶.

Таковы общие, а также философские соображения, с которыми я счел необходимым ознакомить моих читателей, дабы естественным образом подвести их к более пристальному рассмотрению органа вкуса.

---

²⁶ Г-н де Бюффон изобразил, воспользовавшись всеми чарами своего блистательного красноречия, первые мгновения жизни Евы. Призванные высказаться примерно на ту же тему, мы дерзнули дать лишь беглый набросок одним росчерком пера – раскрасить его читатели сумеют и сами.

Размышление II Вкус

Определение вкуса

6. Вкус является тем из наших чувств, посредством которого мы вступаем в отношения с обладающими вкусовыми свойствами телами.

Эти свойства производят в органе, предназначенном для их оценки, вкусовые ощущения.

Вкус возбуждается аппетитом, голодом, жаждой и лежит в основании процессов, благодаря которым индивид растет, развивается, поддерживает свое существование и восполняет потери, вызванные жизненными выделениями.

Все организмы питаются по-разному; Творец мироздания, разнообразный в своих методах, равно как и уверенный в их действенности, предписал им разные способы поддерживать свое существование.

Растения, находящиеся на нижних ступенях лестницы живых существ, питаются с помощью внедренных в родную почву корней и с помощью некоего особого механизма выбирают из нее различные вещества, необходимые для поддержания жизни и роста.

Поднявшись чуть выше, мы встречаем тела, наделенные животной жизнью, но лишенные способности передвигаться; они рождаются в благоприятной для них среде, а особые органы извлекают из этой среды все необходимое для существования на весь отпущенный им срок; не они ищут свою пищу, пища сама их находит.

Другой образ жизни закреплен за животными, которые населяют вселенную, передвигаясь по ней, и самое совершенное из них, бесспорно, человек.

Особый инстинкт предупреждает его о том, что ему надо подкрепиться; он ищет и берет то, в чем предполагает возможность утолить свою потребность; ест, насыщается и, восстановив силы, следует по жизни дальше, проходя назначенное ему поприще.

Вкус может быть рассмотрен с трех точек зрения.

В человеке физическом – это аппарат, при посредстве которого он оценивает вкусовые ощущения.

Если же рассматривать вкус с точки зрения психического устройства человека, то это возбуждение, вызванное в общем нервном центре органом, находящимся под воздействием вкусового ощущения.

Наконец, если рассматривать материальную причину вкуса, то это способность некоего наделенного вкусовыми качествами тела произвести впечатление на орган и породить ощущение.

Вкус, похоже, имеет два основных применения:

1) он приглашает нас с удовольствием возместить потери, которые мы неизбежно несем по ходу жизни;

2) из разных веществ, которые предлагает нам природа, он помогает выбрать те, что могут послужить пищей.

Как мы увидим позднее, в этом выборе вкусу изрядно помогает обоняние, ибо можно считать общим правилом, что пригодные в пищу вещества не бывают отвратительными ни по вкусу, ни по запаху.

Механика вкуса

7. Нелегко в точности определить, из чего именно состоит распознающий вкус орган. Он сложнее, чем кажется.

Конечно, в механизме дегустации большую роль играет язык: будучи наделен довольно заметной мускульной силой, он служит для того, чтобы разминать, ворочать во рту, сдавливать и глотать пищу.

Кроме того, с помощью более-менее многочисленных сосочков, устилающих его поверхность, он при соприкосновении с пищей впитывает в себя ее растворимые и наделенные вкусом частицы; однако всего этого недостаточно, и некоторые другие, смежные с ним области содействуют тому, чтобы дополнить ощущение, а именно: щеки, нёбо и особенно носовая полость, на участии которой физиологи, быть может, недостаточно настаивали.

Хендрик Хондиус. Вкус. Аллегорическая гравюра из серии «Пять чувств». XVII в.

Щеки выделяют слюну, равно необходимую для жевания и формирования так называемого пищевого комка²⁷; они так же, как и нёбо, отчасти наделены оценивающими способностями. Право же, я не знаю, участвуют ли в этом при некоторых обстоятельствах еще и десны, однако без ощущения запаха, сосредоточенного в нашем зеве, вкус оказался бы притупленным и в высшей степени неполным.

У людей, не имеющих либо лишившихся языка, ощущение вкуса еще сохраняется. Первый случай описан в книгах; второй мне растолковал один бедняга, которому алжирцы отре-

²⁷ *Пищевой комок* – количество прожеванной пищи, проглатываемой за один раз.

зали язык в наказание за то, что он вместе с несколькими товарищами по плену замыслил побег.

Этого человека я повстречал в Амстердаме; он зарабатывал на жизнь, выполняя мелкие поручения, и был достаточно грамотен, чтобы мы без особого труда смогли побеседовать письменно.

Осмотрев его и установив, что ему удалили всю переднюю часть языка, вплоть до самой уздечки²⁸, я спросил, чувствует ли он хоть какой-то вкус еды и сохранилось ли у него вообще ощущение вкуса после жестокой операции, которой его подвергли.

Он ответил, что больше всего его утомляет глотание (и ему это действительно давалось с большим трудом), но вкус у него вполне сохранился; что ему, как и остальным, нравится все мало-мальски вкусное; но вот очень кислое и горькое причиняет ему нестерпимую боль.

Он сообщил мне, что отрезание языка распространено во всех африканских царствах, где его применяют в первую очередь к устроителям заговоров, и что у них там имеются для этого соответствующие инструменты.

Мне хотелось, чтобы он их мне описал, но его воспоминания об этом были столь мучительны и отвратительны, что я не стал настаивать.

Поразмыслив над его рассказом и углубившись в века невежества, когда богохульникам протыкали или отрезали языки, и вообще в ту эпоху, когда были приняты эти законы, я счел себя вправе заключить, что происхождение у них африканское, а завезены сюда они были по возвращении крестоносцев.

Выше мы видели, что ощущение вкуса возникает главным образом в сосочках языка. Однако анатомия сообщает нам, что отнюдь не все языки одинаково снабжены ими, и бывает, что на некоторых их оказывается в три раза больше, чем на других. Это обстоятельство объясняет, почему из двух сотрапезников, сидящих рядом на пиру, один вовсю наслаждается яствами, а другой выглядит так, будто его кормят насильно: у этого последнего язык слабо оснащен. Увы, в царстве вкуса тоже имеются свои слепые и глухие.

Восприятие вкуса

8. Известны пять-шесть мнений о том, как происходит восприятие вкуса; у меня тоже найдется свое собственное. Вот оно.

Восприятие вкуса – химическая реакция, которая осуществляется влажным путем, как мы говорили раньше; то есть необходимо, чтобы обладающие вкусовыми свойствами молекулы были растворены в каком-нибудь жидком носителе, благодаря чему их смогут впитать пучки нервных окончаний, сосочки, или сосальца, сплошь устилающие внутренность дегустационного аппарата.

Эта схема, новая она или нет, опирается на физические и почти осязаемые доказательства.

Чистая вода не доставляет никакого вкусового ощущения, потому что не содержит ни малейшей частицы, обладающей вкусовыми свойствами.

Растворите в ней крупинку соли или несколько капель уксуса – и ощущение появится.

И наоборот, другие напитки производят на нас впечатление как раз потому, что они не что иное, как более-менее насыщенные растворы, в которых содержатся вполне ощутимые частицы.

Бесполезно наполнять рот разрозненными частицами какого-либо нерастворимого тела: языку достанутся лишь осязательные ощущения, но никакого вкусового.

---

²⁸ Уздечка – складка слизистой оболочки рта.

Что касается твердых и при этом обладающих вкусовыми свойствами тел, то они должны быть измельчены зубами, пропитаны слюной и прочими густуэльными²⁹ жидкостями, прижаты языком к нёбу, чтобы выдавить из них сок, после чего достаточно наделенное вкусом тело оценивают дегустационные сосочки, выдавая ему, обработанному таким образом, необходимый для проникновения в желудок пропуск.

Эта схема, которая получит дальнейшее развитие, без усилий отвечает на главные вопросы, которые могут возникнуть.

Итак, если спросят, что же надо понимать под наделенным вкусовыми качествами телом, следует ответить: любое растворимое и пригодное для восприятия органом вкуса тело.

А если спросят, как действует наделенное вкусом тело, следует ответить, что оно действует всякий раз, когда оказывается в растворенном состоянии и получает возможность проникнуть в полости, предназначенные для того, чтобы воспринимать и передавать вкусовые ощущения.

Одним словом, вкусом обладает лишь то, что уже растворено или будет растворено в самом ближайшем времени.

О разнообразии вкусов

9. Количество вкусов бесконечно, ибо любое растворимое тело имеет особый вкус, совершенно не похожий ни на какой другой.

Кроме того, вкусы изменяются вследствие простого соединения друг с другом, двойного или множественного; так что невозможно описать их разнообразие, от самого привлекательного до самого невыносимого, от земляники до горькой тыквы. Все, кто пытался это сделать, по большому счету потерпели неудачу.

Такой результат не должен удивлять, ведь если учесть, что существует бесконечное множество простых вкусов, которые вдобавок еще могут изменяться, взаимно сочетаясь друг с другом в любых количествах и соотношениях, то понадобился бы новый язык, чтобы как-то обозначить все эти образования, и горы томов *in-folio*, чтобы все их определить, и неведомые доселе цифровые знаки, чтобы отнести их к какой-либо группе.

Но поскольку до сих пор не возникало нужды оценивать какой-либо вкус со строгой точностью, приходится ограничивать себя небольшим количеством общих выражений, как то: сладкий, сладковатый, кислый, терпкий и тому подобных, – которые при дальнейшем рассмотрении можно и вовсе свести к двум: приятный либо неприятный на вкус, – но их вполне хватает, чтобы быть понятыми и чтобы почти наверняка указать на густуэльную, то бишь вкусовую, особенность рассматриваемого вещества.

Те, что придут после нас, будут знать больше, и уже нельзя сомневаться, что химия откроет им причины или первоначальные элементы вкусов.

Влияние обоняния на вкус

10. Порядок, который я сам себе предписал, незаметно подвел меня к тому, чтобы вернуть обонянию принадлежащие ему права и признать, что оно оказывает нам важные услуги при оценке вкусовых достоинств; среди авторов, которые попались мне под руку, я не нашел ни одного, кто, по моему мнению, воздал бы обонянию полную справедливость.

Лично я не только уверен, что без участия обоняния нет полноценной дегустации, но еще и склонен полагать, что обоняние со вкусом образуют единый чувствующий орган, где рот

---

²⁹ *Gustuel* – относящийся к вкусу. Этот неологизм был образован Брийя-Савареном от латинского слова *gustus* – «вкус».

служит лабораторией, а нос – дымовой трубой, или, выражаясь точнее, один используется для дегустации осязаемых тел, а другой – для дегустации газов.

Эта схема может оказаться под строгим запретом; тем не менее, поскольку я вовсе не собираюсь основывать секту, рискну лишь навести читателей на кое-какие мысли с целью показать, что пристально рассматривал предмет, о котором толкую. Теперь я продолжу излагать свои доводы насчет важности обоняния – если не как составной части вкуса, то по крайней мере как его необходимой принадлежности.

3. *Quamvis floriferus sit gratus naribus hortus,
Sepe tamen dulci fel sub odore latet.*

Абрахам Гольциус. Обоняние. Аллегорическая гравюра из серии «Пять чувств». XVII в.

Любое наделенное вкусовыми свойствами тело непременно воздействует и на наше обоняние – это относит его одновременно и к царству запаха, и к царству вкуса.

Невозможно отведать какую-либо пищу и при этом не судить о ней по запаху (с большим или меньшим глубокомыслием); а в отношении незнакомых продуктов нос вообще всегда выполняет функцию часового, который выступает вперед с окликом: «Стой, кто идет?»

Преграждая путь обонянию, заодно парализуют и вкус; это доказывается тремя опытами, которые каждый может повторить с равным успехом.

Опыт первый. Когда слизистые оболочки носа раздражены сильным насморком, вкусовые ощущения полностью пропадают; пища кажется совершенно безвкусной, хотя язык остается в своем естественном состоянии.

Опыт второй. Если зажать себе нос во время еды, то удивительно, как сразу ослабевает вкус – от него остается лишь неверная, бледная тень; благодаря этому способу даже самые отвратительные лекарства можно глотать, не слишком морщась.

Опыт третий. Тот же эффект наблюдается, если при глотании пищи, вместо того чтобы позволить языку вернуться на свое естественное место, мы будем по-прежнему прижимать его к нёбу; в этом случае прерывается циркуляция воздуха, обоняние отключается, а вместе с ним и восприятие вкуса.

Все эти следствия вытекают из одной причины – отсутствия взаимодействия с обонянием. Таким образом, обладающее вкусом тело оценивается не только по его сокам, но и по пахучим газам, который оно выделяет.

Анализ вкусового ощущения

11. Разобравшись, таким образом, с основными положениями, я полагаю безусловно доказанным, что вкус производит ощущения трех различных порядков, а именно: непосредственное, полное и возвратное.

Непосредственное ощущение – это первое впечатление о пробуемой пище, когда она оказывается на передней части языка, и порождается оно непосредственно работой органов ротовой полости.

Полное ощущение представляет собой соединение этого первого впечатления с другим, которое возникает, когда пища с передней части языка проникает в зев, заполняя весь орган своим вкусом и запахом.

И наконец, возвратное ощущение – это суждение, которое выносит душа о тех впечатлениях, которые были сообщены ей при помощи воспринимающего органа.

Проверим эту схему в действии, рассмотрев, что происходит в человеке, который ест или пьет.

Тот, например, кто пробует персик, сначала воспринимает его приятный запах; откусив немного, он ощущает свежесть и легкую кислинку, что поощряет его продолжать; но лишь в момент глотания, когда откушенный кусочек проходит под носовой полостью, раскрывая ему свой аромат, ощущение, которое должен доставить персик, становится полным. И наконец, проглотив, он оценивает все, что только что испытал, и говорит себе: «Как вкусно!»

То же самое, когда он пьет: пока вино во рту, нам приятно, но все-таки мы еще не вполне впечатлены; и лишь в момент, когда мы его проглотили, можно по-настоящему его распробовать, оценить букет, обнаружить особенный аромат, присущий каждой марке. А еще необходима малая толика времени, чтобы дегустатор смог сказать, хорошее оно, сносное либо дрянное: «Разрази меня гром! Да это же шамбертен!» или «Боже, смилуйся! Это сюренское!»³⁰.

Так что мы видим: это вполне согласуется с основными положениями – что, разумеется, подтверждает и практика, поскольку любители пьют вино маленькими глотками (they sip it)³¹,

---

³⁰ Деревня Сюрен под Парижем «славилась» своим скверным вином.

³¹ Пьют маленькими глотками, потягивают, смакуют (*англ.*).

ведь, делая паузу после каждого глотка, они получают всю совокупность удовольствий, которые испытали бы, выпив бокал одним духом.

То же самое, но гораздо энергичнее происходит и когда нашему вкусу предстоит встреча с чем-нибудь неприятным.

Взгляните на этого больного, которого медицинский факультет понуждает проглотить большущий стакан черного колдовского зелья, словно во времена Людовика XIV.

Обоняние, верный советчик, предупреждает его об отвратительном вкусе зловещего снадобья, его глаза расширены, словно он видит приближение опасности, губы кривятся от омерзения, его уже заранее тошнит. Тем не менее его увещевают; наконец он набирается мужества, ополаскивает горло водкой, зажимает себе нос и пьет...

Когда смрадное питье наполняет его рот, затопив там все органы вкуса, возникшее ощущение пока еще смутно, его пока еще можно стерпеть; но с последним глотком послевкусие становится сильнее, а зловоние отчетливее, и все черты лица пациента выражают ужас и отвращение: он столкнулся со вкусом, соперничать с которым может только страх смерти.

Если же, наоборот, речь идет о совершенно безвкусном питье, например о стакане воды, то не чувствуют ни вкуса, ни послевкусия; не испытывают ничего и не думают ни о чем; выпили – и всё.

Порядок различных вкусовых впечатлений

12. Вкус не столь богато одарен, как слух; тот может разом воспринимать и сравнивать многие звуки – вкус же, напротив, упрощает выполнение задачи; это означает, что два вкусовых ощущения не могут возникнуть одновременно.

Однако вкус может проявлять двойственность и даже множественность последовательно: то есть в одном и том же акте глотания³² можно испытывать последовательно и второе, и даже третье ощущение, где каждое последующее слабее предыдущего; их обозначают словами «послевкусие», «привкус», «отдушка» и т. п.; точно так же как изошренное ухо, кроме главного звука, различает еще и серии сопутствующих созвучий – либо одну, либо несколько, их количество еще не до конца определено.

Те, кто ест быстро и невнимательно, не различают второстепенных впечатлений, это является исключительным уделом малого числа избранных; и именно благодаря своим способностям они могут классифицировать по степени превосходства различные вещества, подвергнутые ими испытанию.

Эти мимолетные нюансы еще долго присутствуют в органах распознавания вкуса; знатоки – профессора гастрономии – при вынесении заключений инстинктивно принимают надлежащую позу: неизменно вытянув шею и поворотив нос влево.

Наслаждение, доставляемое вкусом

13. Теперь рассмотрим с философской точки зрения наслаждение или пытку, причиной которых может стать вкус.

В первую очередь мы обнаруживаем применение той, к несчастью, общеизвестной истины, что человек гораздо лучше приспособлен к страданию, нежели к наслаждению.

Действительно, прием в высшей степени острых, едких или горьких веществ вынуждает нас терпеть крайне мучительные или болезненные ощущения. Утверждают даже, что синиль-

---

³² Брийя-Саварен использует здесь неологизм «гуттурация», образованный им от латинского слова *guttur* – «горло, глотка, гортань».

ная кислота убивает так быстро лишь потому, что причиняет настолько нестерпимую боль, что жизненные силы покидают человека, не сумевшего ее вынести.

Приятные же ощущения, наоборот, пробегают лишь по короткой лесенке с малым количеством ступеней, и если еще имеется достаточно осязаемая разница между совершенно безвкусным и тем, что все-таки тешит вкус, то промежуток между признанно хорошим и превосходным не слишком велик; это разъясняется следующим примером: первая ступень – жесткое и лишенное соков вареное мясо; вторая ступень – кусок телятины; третья ступень – приготовленный как надо фазан.

Les Mangeurs de Glaces.

И все-таки вкус – такой, каким его даровала нам природа, – является вдобавок тем из наших чувств, которое, если хорошенько подумать, доставляет нам больше всего наслаждений:

1) удовольствие от еды (в сочетании с умеренностью) – единственное, которое не вызывает усталости;

2) едой могут наслаждаться во все времена люди любого возраста и любого положения в обществе;

3) есть необходимо по меньшей мере один раз в день, и на данном отрезке времени это удовольствие можно беспрепятственно повторить еще два-три раза;

4) оно может соединяться со всеми прочими удовольствиями и даже утешить нас в отсутствие оных;

5) впечатления, которые мы получаем благодаря вкусу, надежнее других и при этом больше зависят от нашей воли;

6) наконец, во время еды мы испытываем некое особое и невыразимо приятное чувство, которое происходит от инстинктивного осознания того факта, что посредством приема пищи мы восстанавливаем силы и продлеваем нашу жизнь.

Это будет шире развито в главе, где мы отдельно порассуждаем о нынешнем состоянии застольных удовольствий, к коему привела их современная цивилизация.

Превосходство человека

14. Мы были воспитаны в кроткой вере, что из всех созданий, которые ходят, плавают, пресмыкаются либо летают, человек наделен самым совершенным вкусом.

Над верой этой нависла угроза, способная ее поколебать.

Доктор Галль³³, опираясь на какие-то неведомые исследования, утверждает, что у некоторых животных вкусовой аппарат якобы развит лучше, чем у человека, а следовательно, и более совершенен.

Эта доктрина непристойна и попахивает ересью.

Человек – царь всей природы по Божественному праву, ради него земля была покрыта растительностью и населена всякой живностью, и он неизбежно должен быть снабжен неким органом, способным установить отношения со всем, что обладает вкусом у его подданных.

Язык во рту у животных развит не больше, чем их способность понимать что-либо: у рыб это всего лишь подвижная кость; у птиц, как правило, мембраноподобный хрящ; у четвероногих он часто шероховатый или покрыт чешуйками и вдобавок совершенно не способен сильно изгибаться.

Человеческий язык, напротив, из-за прихотливости своего строения и разнообразия оболочек, в которые он заключен или с которыми соседствует, свидетельствует о сложности операций, для которых он предназначен.

Кроме того, я обнаружил у него по меньшей мере три движения, которые несвойственны животным и которые я называю заостряющими, вращательными и метущими. Первое случается, когда кончик языка просовывается, словно острие, между сжимающих его губ; второе – когда язык делает круговые движения в тесном пространстве, замкнутом щеками и нёбом; третье – когда язык, выгибаясь то вверх, то вниз, подбирает остатки пищи, которые могут застрять в полукруглой щели, образованной губами и деснами.

Животные ограничены в своих вкусовых привычках: одни травоядны, другие плотоядны, третьи кормятся исключительно зёрнами, – и никто из них не знает сложных вкусов.

---

³³ Галль Франц Йозеф (1758–1828) – австрийский врач и анатом, основатель френологии.

Человек же, наоборот, всеяден: все, что съедобно, он подчиняет своему обширному аппетиту; а это тотчас же влечет за собой расширение дегустационных возможностей, пропорциональное их общему применению. Действительно, человеческий вкусовой аппарат обладает редким совершенством, и, чтобы вполне себя в этом убедить, рассмотрим, как мы его используем.

Как только обладающее вкусом тело попадает в рот, оно оказывается безвозвратно захваченным вместе со своими газами и соками.

Губы противодействуют тому, чтобы оно выпало обратно; далее им завладевают зубы и разжевывают; его пропитывает слюна; язык ворочает его туда-сюда словно лопатой; дыхательное движение подталкивает его к глотке; язык приподнимается, чтобы позволить ему соскользнуть туда, но перед тем его запах воспринимает обоняние; наконец, оно проваливается в желудок, чтобы испытать там дальнейшие изменения, однако в течение всей этой операции ни одна частичка, ни одна капля или молекула не избежат того, чтобы подвергнуться оценке.

Не в последнюю очередь благодаря совершенству этого процесса гурманство – удел исключительно человека.

Оно даже заразно, и мы довольно быстро передаем его животным, прирученным нами ради наших надобностей, и те в некотором смысле составляют вместе с нами единое сообщество, как, например, слоны, собаки, кошки и даже попугаи.

Если у некоторых животных язык больше, глотка шире, нёбо лучше развито, то лишь потому, что этот язык, будучи мышцей, предназначен ворочать более крупные куски, нёбо должно сильнее их придавливать, а глотка беспрепятственно пропускать через себя, несмотря на размеры. Однако любая аналогия естественно противится тому, чтобы из нее можно было вывести, будто и само чувство становится от этого совершеннее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.